

Буклемишев. Добрый вечер, дорогие друзья! Мы начинаем наше сто третье заседание нашего Диспут-клуба под эгидой Ассоциации научно-исследовательских центров экономического анализа. Сегодня у нас, мне кажется, очень важная, нужная и злободневная тема – «Какая модель экономического роста нужна России, и как её реализовать?» Я думаю, вы все хорошо знакомы (по крайней мере, если не лично, то по публикациям) с нашими сегодняшними участниками – это Михаил Эгонович Дмитриев, который сейчас является президентом хозяйственного партнёрства «Новый экономический рост», и Андрей Андреевич Мовчан, который является директором программы центра Карнеги в Москве.

Сегодня такая история, что нам даже практически не пришлось организовывать этот диспут, потому что наши участники встретились сами в виртуальном пространстве и затеяли дискуссию между собой, и мы лишь предоставили им площадку для продолжения этой самой дискуссии. Насколько я понимаю, дискуссия разворачивалась на страницах «Есоному Times», и нам показалось интересным, чтобы эта дискуссия продолжилась здесь.

Сегодня мы будем соблюдать наш традиционный формат. Михаил Эгонович был у нас много раз, а Андрей Андреевич – сегодня впервые, поэтому я и для него, и для всех участников, которые сидят в зале, повторю формат. Сначала мы заслушаем два выступления по 20 минут, потом в конце каждого выступления оппонент задаёт вопрос - два вопроса тому, кто только что выступил, после чего наши участники меняются местами. Потом мы выделяем время для вопросов из зала, на которые получаем исчерпывающие и краткие ответы, и в конце концов, если останется время (а оно, я думаю, должно остаться) мы дадим его для выступлений из зала.

Вот, собственно, наш план работы. Михаил Эгонович и Андрей Андреевич договорились так, что начинает Михаил Эгонович, ему я передаю слово.

Дмитриев. Уважаемые участники диспута! Понятно, что текущий кризис вызывает у всех вопросы относительно того, насколько долгосрочные последствия он будет иметь, а на самом деле этот вопрос всё меньше вызывает сомнений. Скорее всего, в отличие от кризиса 2008–2009 годов, этот кризис является переломным с точки зрения модели роста для российской экономики, хотя это не значит, что предыдущая модель роста была так уж плоха. Собственно, с этого я и хочу начать своё короткое выступление.

Если мы посмотрим на долгосрочную историю, то больших различий между странами, которые имели диверсифицированную несырьевую базу роста (например, США и Великобритания), и странами, которые специализировались долгое время на сырье, (например, Австралия и Канада), по большому счёту, нет. Есть примеры институциональных успехов и неудач, потому что также богатые сырьём страны - Аргентина и Бразилия - развивались ниже среднего темпа роста мирового ВВП на длительном интервале времени, а Канада и Австралия развивались быстрее, чем средний мировой уровень ВВП, и главное, что опережали страны с диверсифицированным профилем развития, такие как США и Великобритания.

Что касается России, то здесь, в общем-то, история понятна. Досырьевой рост давал порядка трети всего прироста ВВП, в буквальном смысле именно прирост нефти вносил такой прямой и косвенный вклад в рост российской экономики, но в целом этот рост был рекордно благоприятным. И достаточно посмотреть на темпы роста российской производительности за этот период.

Во-первых, мы оказались в регионе с самыми высокими темпами роста производительности из крупных регионов мира наряду с Центральной и Восточной Европой. И Россия в этом регионе имела тоже очень высокие темпы роста производительности. Здесь видно (слева нижний красный столбик и самый высокий – это Россия) среднегодовые темпы роста производительности труда по довольно большой выборке стран, при этом период

затрагивает ещё 5 лет низких темпов роста производительности в период пиков кризиса и дефолта.

У этой модели была масса недостатков, которые сейчас не являются, строго говоря, предметом нашего обсуждения. В частности, в основном опережающий рост потребления по отношению к ВВП достигался за счёт быстрого роста импорта, который подпитывался растущими доходами от экспорта энергоносителей. Это был рост, строго говоря, не основанный на инвестициях, а основанный именно на опережающем росте потребления. И этот рост закончился с концом мирового энергетического суперцикла. Правый график показывает долю расходов на сталь и нефть в процентах к мировому ВВП. Сейчас эти расходы вернулись на уровень, с которого начинался этот энергетический суперцикл – это конец 60-х годов. И особых перспектив возврата мировых расходов на сырьё, на базовые сырьевые товары в процентах к ВВП на уровень хотя бы 2008–2009 годов пока не просматривается. Если мы посмотрим на перспективы экспорта в России, собственно говоря, они упираются в то, что вряд ли физический объём экспорта нефти будет расти, цены упираются в потолок, и, хотя потенциал для роста экспорта газа довольно большой, всё равно в целом экспортная выручка, скорее всего, будет стагнировать в процентах к ВВП и драйвером роста уже быть не может. И это проблема долгосрочной перспективы.

И на эту проблему накладывается второй встречный ветер – это перелом демографических тенденций. По темпам падения трудоспособного населения Россия опережает большинство крупнейших стран (это началось совсем недавно), и отстаёт только от Германии, опережает даже Японию, которая известна быстрыми темпами старения населения. Я опускаю кучу иллюстраций того, как это влияет на темпы роста производительности, но в целом связь очевидна. Был целый ряд исследований, который показал, что происходит при этом. Здесь показан результат анализа Moody's с помощью модели на основе производственной функции, они дают России прогноз на ближайшие 10 лет – всего лишь 1 % в год в среднем только с учётом негативного влияния факторов снижения численности трудоспособного населения. Весной этого года в ВШЭ Мировой банк представил более детальное исследование по России, и их оценки на самом деле не сильно отличаются от Moody's. То есть в общем потенциал роста в России – где-то в районе полутора процентов на перспективу ближайших 10 лет, это нормальная ситуация, и наша энергетическая специализация вряд ли нас при этом сильно выручит.

Официальная реакция на эту проблему пока состояла в том, что мы можем попытаться ограничить импорт, стимулировать импортозамещение, опираясь на глубокую девальвацию валюты, и стимулировать реиндустриализацию. Но здесь есть целый ряд объективных причин, которые, на мой взгляд, делают всё это довольно бессмысленным. Во-первых, пока импортозамещение привело к усилению сырьевой зависимости, как ни странно, а не к углублению роли обработки в российской экономике. Вот здесь показаны данные опроса института Гайдара: импортозамещение по машинам и оборудованию смогли обеспечить всего лишь 17 % предприятий-респондентов, а зато по сырьевым материалам – 57 %. То есть российское сырьё и продукты первичной переработки по-прежнему конкурентоспособны, они неплохо экспортируются и отлично замещают импорт на внутреннем рынке. А вот о продукции, находящейся на конце цепочек добавленной стоимости, этого сказать нельзя.

И есть более долгосрочная проблема, которая связана с тем, что выручка от нефти и газа недостаточна для того, чтобы быть драйвером экономического роста, но она достаточна, чтобы поддерживать относительно завышенный реальный эффективный курс рубля. После того как мы выйдем из пике нынешнего глубокого падения цен на нефть, она будет вполне достаточна, чтобы реальный эффективный обменный курс рубля приблизился к докризисному уровню. На это, в частности, указывают консенсус-прогнозы, которые

регулярно публикует НИУ ВШЭ. Только что, в конце ноября, они опубликовали очередной прогноз. И при любых поворотах нынешнего, текущего положения дел долгосрочный прогноз до 2021 года всё равно даёт фактически стабильный номинальный обменный курс рубля. Это значит, что в реальном выражении, по последнему прогнозу, произойдёт его удорожание на 30 %. Это всего лишь на 10–12 % будет отличаться от весьма завышенного курса 2013 курса, и при курсе 2013 года большая часть промышленности, которая сейчас что-то замещает на внутреннем рынке, опять окажется неконкурентоспособной по цене. И это, к сожалению, хроническая проблема российского платёжного баланса, которую конец энергетического суперцикла так и не изменил.

По сути дела, на это накладывается и другая проблема: Россия уже находится на той стадии развития, где она исчерпала потенциал увеличения доли промышленности в ВВП, и уже по одной этой причине промышленность не будет долгосрочным драйвером экономического роста. Потолок, которого достигают страны, точнее, средний уровень дохода, при котором, согласно недавнему исследованию Д. Родрика, большинство стран достигает максимумов доли промышленности в ВВП и в занятости, за последние 20 лет очень сильно снизился. И по доле ВВП Россия сейчас находится как раз на том уровне, когда большинство стран достигает потолка, и дальше доля промышленности начинает снижаться. Строго говоря, доля промышленности у нас и так довольно большая. Российский кружок на диаграмме - 33 %. Это больше, чем в Бразилии, намного больше, чем в ЕС, естественно меньше, чем в Китае, но если мы посмотрим в целом на страны-лидеры, входящие в 15 ведущих индустриальных стран мира, то Россия продвинулась за последние 15 лет в этом рейтинге с 20-го на 7-е место, доля обрабатывающей промышленности ВВП примерно равна средней по этой выборке стран. И надеяться на то, что почему-то произойдёт ускорение роста промышленности при таких предпосылках, на самом деле не приходится. Это результаты анализа Д. Родрика, Если мы посмотрим на правую дугу, то Россия по ВВП на душу населения как раз находится на пике красной дуги. Это как раз последние оценки пикового уровня доли промышленности ВВП, которого достигают страны при заданном уровне дохода. Вот это порядка 24 000 долларов на душу населения по паритету покупательной способности.

А вообще мировая статистка по промышленности довольно неутешительная. Если мы посмотрим на правый график, то доля промышленности ВВП за последние 25 лет росла только в странах с низким уровнем дохода. Во всех других группах стран и в мире в целом доля промышленности в процентах к ВВП устойчиво снижалась, причём довольно значительно. В странах со средним доходом она снизилась примерно на 5 процентных пунктов ВВП. Так что, если говорить о промышленности, может быть, её доля при благоприятных условиях ВВП и повысится, но речь идёт о 2–3 процентных пунктах ВВП, это значит ускорение роста ВВП буквально на десятые доли процента, при потенциале роста полтора процента - ничто.

Реальный потенциал роста – это сфера услуг. Доля услуг в России ниже тренда по достигнутому уровню дохода, она ниже, чем у стран с сопоставимым уровнем ВВП на душу населения. Производительность в сфере услуг на самом деле в большинстве среднеразвитых стран выше, чем производительность в промышленности. С точки зрения потенциала роста занятости он в России, если сравнивать, например, с Германией и Великобританией, примерно 10 процентных пунктов. Это занятость прежде всего в четвертичном секторе услуг, куда входит образование, высокотехнологические бизнес-услуги, финансовый сектор и разные прочие услуги с довольно высокой добавленной стоимостью. А что касается экспорта услуг, то Россия опять ниже тренда, но Россия экспортирует большие объёмы услуг в качестве компонента товарной части платёжного баланса. Если добавить те услуги, которые сопровождают экспорт наших товаров, то доля услуг в экспорте составляет более 30

% . Более того, структура российского экспорта услуг уже сейчас соответствует наиболее развитым странам мира. Двухзначными темпами в последнее время рос экспорт услуг по линии телекоммуникаций и финансового сектора. Это высокотехнологичные услуги, Россия по ним конкурентоспособна, и, хотя их доля в экспорте пока низкая, Россия явно демонстрирует потенциал роста именно в этих секторах. А если говорить по тенденциям занятости, то уже давно занятость в промышленности не растёт, основным драйвером в России является занятость в секторе услуг.

Что может реально двигать экономический рост в России? Здесь моя логика опять-таки достаточно тривиальна. Если мы посмотрим на данные McKinsey, до 2025 года, по оценке, 56 % мирового экономического роста обеспечат 600 крупнейших городов мира, расположенных на территории, не превышающей площади Судана, и в этих городах придётся построить 85 % от всей недвижимости, которая имела в мире по состоянию на 2010 год. И на это потребуется порядка 10 триллионов долларов инвестиций.

В России мы в своё время делали оценки, какая доля прироста ВВП возникает в крупнейших агломерациях. Она ещё в период сырьевого роста достигала трёх четвертей. И на самом деле сейчас при замедлении роста цен на сырьё, скорее всего, эта доля возрастет. Российские агломерации устроены неэффективно, отсюда есть пространственный дивиденд. У нас избыточное население в малых городах, где производительность в полтора раза ниже, чем в крупнейших городах страны, и она значительно ниже в городах-миллионниках второго эшелона, то есть следующих за Москвой и Санкт-Петербургом. Она ниже тренда Зипфа, и она занижена по сравнению с распределением численности населения в городах США и Китая. Простой рост населения в зонах влияния крупных городских агломераций с улучшением качества городской инфраструктуры фактически приведёт к существенному росту экономической плотности в самых заселённых районах страны и к росту производительности. И если мы будем говорить о том, что необходимо для этого, то это составляет суть политики, которая позволяет мобилизовать пространственные дивиденды.

Во-первых, по жилью. Динамика жилого фонда в России достигла пиковых значений в горбачёвские времена. Тогда общий жилой фонд вырос практически на треть за 80-е до начала 90-х годов. Потом этот жилой фонд практически прекратил рост. И Россия сейчас находится существенно ниже тренда по уровню обеспеченности жильём исходя из своего уровня дохода. У нас обеспеченность жильём на четверть ниже, чем в Китае, хотя доходы у населения в два с половиной раза выше, чем в Китае, по паритету покупательной способности. При таких доходах люди были бы способны купить гораздо больше жилья, и они, как правило, желают этого, имея такие доходы. Но в России этот рынок ограничивается предложением, причём что особенно неприятно – это неэффективное, недостаточное предложение консервируется на будущее, потому что из-за дефицита жилья и завышенных цен в условиях, когда спрос фактически превышает предложение, у нас размер вводимого жилого юнита является одним из самых низких среди ведущих экономик мира. Даже ниже, чем в Китае, и в СНГ он выше только у одной страны – у Таджикистана. 57 квадратных метров – туда не помещается, по нормам тренда, даже семья, состоящая из двух человек. А средний размер семьи у нас – два с половиной человека. В Китае нормальной считается квартира 100 квадратных метров, а не 57, как у нас.

К чему это приводит на перспективу? Здесь приведено исследование Китая, который уже набил шишку на этих проблемах: введение избыточного количества маленьких юнитов приводит к дефициту жилья бизнес-класса и более крупных размеров, которое в будущем оказывается более востребовано. Но в старом фонде укрупнять квартиры очень сложно, и поэтому фактически консервируется очень надолго, на десятилетия вперёд заниженное предложение размеров жилья в расчёте на семью. Вот это та ловушка, в которой оказалась Россия. Чтобы выйти из неё, скорее всего, потребуются структурные реформы, прежде всего

снижение стоимости предлагаемого юнита жилья. В России она завышена из-за проблем, связанных с регулированием строительной сферы. И в целом потенциал улучшения здесь составляет очень значительные величины. По оценкам McKinsey, все эти институциональные изменения (ускорение времени получения разрешения, удешевление земли и многое другое, что связано с изменением институтов) способны в России снизить среднюю цену предложения на жильё примерно на 30 %. И вот это тот триггер, который способен дать толчок росту спроса на жильё и росту частных инвестиций в этот сектор.

А второе условие такого развития – это инфраструктура. По инфраструктуре в целом мы очень сильно отстаём от нашего уровня развития, но это маскирует неравномерность развития инфраструктуры. По телекоммуникациям мы опережаем наше место по уровню ВВП по паритету покупательной способности на душу населения. По железным дорогам всё неплохо, но мы отстаём по качеству железных дорог от всех тех стран, которые имеют высокоскоростные магистрали, потому что Россия их не имеет, и это резко снижает ценность российских железных дорог в глазах современного бизнеса. А другие элементы инфраструктуры находятся в очень плохом состоянии. И я не буду долго останавливаться на этих рейтингах. Реально российская инфраструктура недоинвестирована, и буквально чуть-чуть позже я скажу, сколько нужно денег на то, чтобы эту инфраструктуру привести в норму и раскрепостить тот пространственный потенциал, который нужен для ускорения экономического роста.

В целом проблема инвестиций в транспорт заключается в наличии крупных сетевых эффектов. У нас отстала вся сеть, и именно системное улучшение состояния сети, как правило, даёт наибольшие внешние эффекты, то есть способствует ускорению роста ВВП за пределами прямой коммерческой окупаемости проекта. Именно это в своё время произошло в Соединённых Штатах, когда в конце 50-х стала создаваться Highway Interstate System. Оценки роста производительности капитала тогда в целом по экономике показали, что за 30 лет реализации программы каждые 10 % прироста инвестиций в автомобильные дороги именно в сетевом формате приводили к росту производительности капитала в частном секторе на 3–5,5 %. Именно поэтому оценки Всемирного банка состоят в том, что вклад инфраструктуры, её количества и качества, в потенциальные темпы роста производительности в России, составляет две трети от всего её потенциального ускорения. В том числе вклад качества образования и институтов довольно сильно отстаёт по масштабам потенциального влияния от вклада в инфраструктуру. Мы говорим это не понаслышке. Я не буду много комментировать. У меня в презентации есть иллюстрации из нашего собственного опыта оценки проектов. Они показывают, как конкретные сетевые проекты в инфраструктуре дают действительно огромные эффекты для роста производительности, особенно в зоне влияния крупных агломераций.

Я приведу только один пример. Да, всё, время истекло. Тогда я не буду приводить пример, потому что в среднем мультипликаторы от 3 до 5 рублей на каждый рубль вложенных инвестиций. Вот это, собственно, и есть потенциал экономического роста. Этот потенциал к тому же ведёт к росту в основном среднего бизнеса. Есть немало данных, включая недавнее обследование института Гайдара, и тех, которые проводили мы. Они указывают, как в результате такого развития возникает благоприятная и, в общем-то, конкурентная бизнес-среда для среднего и малого бизнеса, которая к тому же порождает довольно большой спрос на продукцию действительного, а не мнимого, импортозамещения в конкурентном формате. Потому что производство стройматериалов, оборудования для инфраструктуры, товаров для дома тяготеет к местам потребления. Только 25 % всего мирового выпуска стройматериалов торгуется, а всё остальное производится внутри стран с ориентацией на внутренний спрос. Поэтому такая модель роста ведёт не только к росту услуг в зоне влияния крупнейших городских агломераций, но и порождает спрос на многие виды

промышленных товаров, причём спрос на здоровой конкурентной основе. И этого прироста промышленной продукции и услуг при последовательной реализации такой модели будет достаточно, чтобы добавить где-то 1–1,5 % прироста ВВП в год российской экономике на долгосрочную перспективу. Это позволяет преодолеть ловушку среднего уровня развития. В таком случае где-то через 10–15 лет при хорошем раскладе событий Россия сможет, наконец, войти в группу стран с высоким уровнем дохода по ВВП по паритету покупательной способности.

Какие нужны институциональные реформы, я говорить не буду, мы можем обсудить это потом в ходе дискуссии.

Буклемишев. Спасибо, Михаил Эгонович! Два вопроса от Андрея Андреевича.

Мовчан. Спасибо! На самом деле очень интересный доклад. Это такая неожиданная ситуация, когда я готов согласиться и поспорить одновременно со всем. Вопросы такие. Всё это было про то, как хорошо быть здоровым и богатым, и лучше, чем бедным и больным. Понятно, что чем инфраструктуры больше, всем лучше и так далее. Как достичь, какими методами? Кроме сокращения издержек на государственное регулирование, какими ещё методами можно достичь развития инфраструктуры?

И второй вопрос следующий. Понятно, что экономика (мы это все проходили в младшей школе) определяется соотношением спроса и предложения. Про то, что если инфраструктура нужна, то лучше, чтобы её было больше, я понял и согласен с этим. На основе каких данных Вы делаете вывод, что эта инфраструктура в России действительно нужна, есть неудовлетворённый, обеспеченный, возможно, будущими доходами спрос на эту инфраструктуру?

Дмитриев. Что касается того, что нужно делать – это очень длинный список институциональных реформ. Реформы именно институциональные. Они во многом совпадают и с общим направлением улучшения бизнес-среды в Российской Федерации, но не только. Отчасти этот список связан со специфическими реформами, которые должны обеспечить нормальные условия для инвестирования в инфраструктуру. И я остановлюсь прежде всего на них. Сейчас я просто покажу слайды, которые касаются именно этих реформ. В качестве иллюстрации я перечислю то, что нужно, чтобы сформировать предложения частных инвестиций на рынке инфраструктуры. Реально для увеличения предложений инфраструктуры с выходом на необходимый тренд нам нужно совсем немного денег – порядка полутора процентов ВВП ежегодно дополнительно к тому, что инвестируется сейчас, из них примерно 1 % – в транспортную инфраструктуру. И этот 1 % на самом деле вполне может быть взят на частном рынке длинных денег. Сейчас он в России практически отсутствует, но Россия благодаря вполне внятной институциональной политике по формированию условий для развития финансовых рынков уже несколько сегментов создала практически с нуля. За последние 10 лет таким сегментом, в частности, был рынок ипотечного кредитования.

Что там было сделано и почему это сработало, я сейчас не буду комментировать, но это набор очень конкретных шагов. Вот на рынке длинных денег на самом деле нужны примерно такие же конкретные шаги, часть из которых я коротко могу назвать. Во-первых, это проблема рисков, которые несут инвесторы, у которых есть относительно короткие пассивы, и они должны вкладывать в длинные активы. Это разрывы в дюрации. И снижение рисков в разрывах в дюрации – это проблема условий организации рынка длинных денег. Эти риски могут быть существенно снижены, и те же банки могут относительно короткие пассивы в таких условиях трансформировать в более длинные инвестиции, например, в долгосрочные инфраструктурные облигации в больших объёмах, чем они это делают сейчас. Во-вторых, нужно финансирование ТИФ, то есть возможность заимствовать для бюджетов разных уровней финансирование инфраструктуры в счёт будущих налоговых поступлений,

которые обеспечиваются внешними эффектами, а точнее, - бюджетными эффектами от реализации проектов. В Соединённых Штатах муниципалитеты начиная с 90-х годов именно на основе TIF финансирования обновили значительную часть коммунальной и дорожной инфраструктуры. И этот механизм может точно так же нормально работать в России, это вполне техническая проблема, которая решается.

И третья проблема, которую я бы обозначил – это проблема ликвидности такого рынка. На запуске первичного и вторичного рынка ипотечного кредитования в стране был создан маркетмейкер, который поддерживал стандарты эмиссии этих бумаг, акцептовал эти бумаги и фактически поддерживал ликвидность рынка. Этот процесс развивается через несколько стадий. Он уже более-менее понятен на опыте предыдущих усилий по формированию других сегментов рынка. И процесс обеспечения ликвидности и стандартов эмиссии бумаг, в которые действительно могут прийти инвесторы на длительные сроки, тоже понятны. Если этот рынок будет ликвиден, а риски в разрыве дюрации будут сокращены, будет создана нормальная информационная среда для правильной калибровки рисков и оценки инструментов, которые эмитируются в режиме проектного финансирования, мы получим те полтора процента ВВП в год частных инвестиций, которые нужны. И на мой взгляд, никакой особой магии в этой политике нет. Есть, конечно, много других реформ, но я просто привёл это в качестве очень чёткой операциональной иллюстрации того, как могут решаться такие вопросы.

И последнее – по поводу того, каков спрос на инфраструктуру. Это не более чем бенчмаркинг, и на самом деле есть стандартные оценки. Например, в зону влияния крупных городских агломераций попадают бизнесы и население, которые находятся в пределах двухчасовой транспортной изохроны. Если мы ускоряем движение пригородного и междугороднего сообщения так, что расширяем зону этой транспортной изохроны, мы увеличиваем производительность во всей этой зоне, потому что возникают агломерационные эффекты масштаба. Такого рода калибровку мы делали по российской территории, и результаты превосходят самые смелые ожидания. Действительно, есть большой потенциал интеграции территории в агломерационный процесс, и он приводит за счёт расширения рынков и эффектов масштаба к существенному росту производительности.

Буклемишев. Спасибо! Андрей Андреевич.

Мовчан. Спасибо за замечательное сообщение. Если можно, я буду подходить к этому не с позиции академического человека, потому что степеней у меня нет и академий я не кончал, зато создавал самый большой инфраструктурный фонд в этой стране (в своё время он был больше миллиарда долларов) и примерно представляю себе, как это всё работает.

Вот то, о чём только что говорил коллега, но это, насколько я знаю, называется моделью Асхоре или Асхауер в зависимости от того, любим мы немцев или нет. Модель очень простая, она была построена достаточно давно, она говорит о том, что, действительно, инфраструктура – это хорошо. Почему? Потому что себестоимость они снижают, плюс они создают возможности, когда вы можете сделать что-то, чего раньше вы не могли сделать на этой территории. Плюс через инвестиции в инфраструктуру инвестиционный капитал проходит дальше через зарплаты, через подрядчиков и так далее. Первые две вещи создают дополнительное предложение, а третья создаёт спрос, и они друг друга немножко уравнивают, возникает рост бизнес-активности и, соответственно, увеличивается ВВП.

И всё бы это было хорошо, если бы эта модель так же, как в своё время экономическая модель развития социализма, не выкидывала бы человека из конструкции. Потому что как только вы начинаете говорить о человеке, у вас сразу возникает вопрос, при каких граничных условиях такая модель может работать. Минимальные граничные условия, которые нам нужны – это, во-первых, на самом первом этапе просто наличие банальных

ресурсов для того, чтобы можно было делать инвестиции в инфраструктуру. Капитал, труд, технологии и так далее. Второй вопрос – это понятие эффективности использования ресурсов. Вот у нас построен остров Русский, построена Олимпиада в Сочи, у нас построено то, что вы меньше знаете, например, сеть кардиоцентров по России, и так далее, сейчас построена платная дорога через Шереметьево. У меня нет времени комментировать эффективность. Я думаю, сами сориентируетесь.

Кроме того, для того чтобы всё это работало, нужен как минимум неудовлетворённый предпринимательский спрос на подобные вещи. На сегодня в России предпринимательская активность сокращается очень быстро. Я подчёркиваю: она сокращается. Она не плохо растёт, а сокращается. То есть она была на этой инфраструктуре некоторое время назад, а сейчас становится на этой же инфраструктуре меньше. Для меня как для непрофессионального экономиста, но профессионального инвестора это означает, что даже имеющаяся инфраструктура становится не нужна... некуда будет девать избыточную инфраструктуру. Должен быть и ещё и неудовлетворённый спрос на продукцию предпринимателей, они не просто так сокращают свой бизнес. У нас платёжеспособный спрос упал, по-моему, с начала нефтяного кризиса уже процентов на 20, по объективным оценкам, и кажется, упадёт ещё процентов на 20 в ближайший год, а если нет, то останется на месте. Можно обсуждать, как это считать, но так выглядит. А вообще говоря, у нас уже с 2012 года тренд на падение платёжеспособного спроса, несмотря на майские Указы. Поэтому я бы тоже был острожен в этом вопросе.

И, наконец, всё хорошо, если у вас нет кардинальных терминальных барьеров для организации бизнес-активности. Как мы с вами знаем, живя в этой стране, у нас есть некоторый набор подобных барьеров, которые очень часто при самой лучшей инфраструктуре не дают вам делать бизнес, и можно попробовать немножко поговорить об этом. Вот так выглядит наш бэкграунд для этой модели в России. Это 2015 год, в котором мы сейчас с вами живём. Мы как страна заработали 156 миллиардов долларов сальдо торгового счёта за счёт торговли. Совершенно правильно сказал коллега: действительно, газ и нефть ещё продолжают нас финансировать. Но итоговое сальдо счёта внешних операций, скорее всего, ограничится 16 миллиардами по стране. Почему? Потому что мы панически вывозим весь капитал, который можем, из страны разными способами: услугами фиктивными или нормальными, выплатами прочего рода, то есть дивидендами и кредитованием, приобретением ценных бумаг, или просто вывоз капитала населения, переход в доллары и так далее. И это не тренд этого года, это тренд последних 15 лет. Мы вывезли больше, чем заработали на нефти и газе. Там внизу цитаты в презентации, которые вы можете прочесть. Я не буду их читать, они и так понятны, они объясняют в каком-то смысле этот тренд.

Что в этой стране происходит с инвестициями в инфраструктуру? И что будет происходить? Если коллега позволяет себе говорить про теоретические расчёты, то я тоже буду говорить про теоретические расчёты, как они выглядят, на мой взгляд.

Предположим, мы сформировали пул денег тем или иным способом для подобных инвестиций, государственных. Для начала мы выберем не те направления, которые нужны, потому что наши планирующие органы за 15 лет показали свою неспособность понимать, куда нужно инвестировать. За 15 лет – наверное, это даже громко сказано. За 90 лет надо говорить. На следующем этапе проекты будут масштабно переоценены. Мы потратим намного больше денег. Основная масса денег уйдёт за границу, это создаст дополнительное давление на рубль, это создаст дополнительное давление на инфляцию и так далее. Выполнение будет идти плохо и медленно. Мы потеряем большие деньги, и некоторые проекты не будут доведены до конца. Большинство объектов не будут дооснащены и укомплектованы нормальным штатом, потому что у нас нет трудовых ресурсов. Правильно сказал коллега, у нас сокращаются трудовые ресурсы. Кроме того, их квалификация не

особенно позволяет укомплектовать сейчас что бы то ни было. Потребуется большие дополнительные инвестиции следующего этапа на адаптацию объектов. Когда будет готов и начнет работать объект – непонятно. Зависнет. Общий спрос при этом будет падать, потому что эмиссионный путь (а у нас сейчас нет других способов найти деньги с 5-процентным дефицитом бюджета к ВВП) приведёт к росту инфляции, и платёжеспособность будет только сокращаться. Соответственно, мы построим здание, в котором нечего будет производить, потому что никто этого не купит. Бизнес-климат тоже достаточно резко будет снижен, потому что мы будем оттягивать квалифицированные трудовые ресурсы и профессионалов, как это уже случилось в банковской сфере, на государственные проекты. У нас будет меньше людей, которые будут заниматься реальным частным бизнесом, который нам нужен. Во внутренней политике эта эмиссия позволит покрывать часть расходов бюджета и социализировать население, выплачивать ему деньги, а значит, реформы будут ещё отложены, поскольку будет такая возможность.

И, наконец, во внешней политике эта ситуация усугубляет проблему внутри страны, соответственно мы получим более агрессивное инвестиционное использование внутренних источников, более агрессивную внешнюю политику и бóльшую изоляцию страны. Бóльшая изоляция страны – это меньше вероятность внешних инвестиций. Можно говорить достаточно много о том, что другие страны шли по такому пути и преуспели, государственные инвестиции в инфраструктуру вызывали рост ВВП. Но, во-первых, разные страны по-разному устроены, и нельзя сравнивать разные страны с разными платформами. Во-вторых, это, вообще говоря, не так. Если вы посмотрите на Китай, в Китае инфраструктура строилась не под какой-нибудь бизнес, который когда-нибудь появится, а под конкретный огромный внешний спрос на китайскую продукцию. Под дешёвую рабочую силу, которая в России достаточно дорога на сегодняшний день. В Китае изначально была высокая безработица, трудовых ресурсов было много. В Китае ВВП на человека на сегодня на 30 % меньше, чем в России. Китай начинал с очень низкой базы, добрался до низкой базы и очень плохо двигается дальше. У нас уже 500 долларов ВВП прирост на человека в год не устроит на сегодня, а это предел, выше которого Китай прыгнуть не может, несмотря на то, что у него фантастические расходы на инфраструктуру за всё это время. И кроме того, у нас же ещё есть оборонные расходы, они у нас в три с половиной раза выше в процентах к ВВП, чем в Китае, соответственно мы ещё имеем и меньше ресурсов при прочих равных для того, чтобы расходы на инфраструктуру делать.

Говорят про великую депрессию в Америке и про успехи Адольфа Шикльгрубера в Германии примерно в то же самое время. Если вы вспомните историю, то два великих человека – Франклин Рузвельт и Адольф Шикльгрубер - пришли к власти в один год и ушли из власти в один год, правда разными путями. Говорят про их успешные инвестиции в инфраструктуру: дороги там, дороги здесь, сокращение безработицы за счёт общественных работ и так далее.

Большой вопрос, однако, не только в том, насколько они были успешны, но и применимо ли это к России. В Штатах безработица была 24 % на начало великой трансформации, 19 – на конец. Во-первых, большой вопрос, помогла ли трансформация, учитывая такие цифры, во-вторых, к нам это, конечно, совсем не применимо. Общая инфляция за это время в Америке составила 13 %. У нас это инфляция примерно 9 месяцев. Это совершенно разные ситуации с точки зрения дополнительных ресурсов. Расходы правительства, то есть американский бюджет на это тяжёлое время составлял около 11 % ВВП, а не 25, как у нас. Это тоже некоторая разница. У Рузвельта было несколько способов серьёзного стимулирования развития экономики и потребления, которых уже нет у нас. Он, например, застраховал депозиты и создавал пенсионную систему, систему социального обеспечения. У нас это всё как бы уже создано. Мы не можем сдвинуться в эту сторону и за

счёт этого заставить потребление расти. И кроме того, результат очень сильно преувеличен некоторыми экономистами. В результате той программы, которую осуществлял Рузвельт, ВВП рос только настолько, насколько росли государственные расходы. Как только государственные расходы прекратили расти, ВВП опять стал падать, и поэтому перед войной пришлось их снова наращивать, и только война серьёзно изменила эту ситуацию, и уже после войны начался послевоенный рост, который основан, на мой взгляд, на совершенно других факторах. А в Германии это была программа Рихарда, которая как бы привела к буму строительства и к росту ВПК. Но она всего лишь три года держала экономику, а потом начался развал, потребовалось поставить Геринга для того, чтобы он переводил экономику на военные рельсы, потому что появились продуктовые карточки – и это как бы в момент падения безработицы и всеобщего расцвета. И в принципе в Германии даже было два человека, которые в это время невероятно были похожи на Германа Грефа и Алексея Кудрина – это Яльмар Шахт и Вальтер Функ, это министр экономики и руководитель Центрального банка Германии, которые говорили абсолютно те же вещи, что сейчас говорят Кудрин и Греф, но их тогда точно так же не слушали. Поэтому я думаю, что примеры, которые обычно приводят, не очень релевантны к вопросу.

Есть такая теория Бома и Лайтхарта, теория тоже расчётная, американская теория – сколько же денег в инфраструктуру нужно вложить для счастья. Вот при уровне госинвестиций в 3-4 % ВВП, говорят они (я не проверял эту теорию), необходимо достаточно много денег для инфраструктурного увеличения роста. Если у нас уже есть 3-4 % от ВВП государственных инвестиций инфраструктурных, увеличение инвестиций на 1 % вызывает всего лишь восемь сотых процента роста с затуханием 75 %. Подсчёт достаточно просто можно сделать, математическая регрессия, тут все экономисты. Получается, что нам нужно примерно в 3,7 раз за 5 лет увеличить наши инвестиции в инфраструктуру, чтобы добиться устойчивого роста на 3 %. Это если не учитывать все того, что я сказал раньше, почему это не получится. Это большие деньги. У нас 3-4, у Мексики 5,1, и Мексика сейчас хорошо растёт. У Индии, правда, 10,6, а рост ВВП – 7. У Индонезии – 6,8. У Китая, кстати говоря, 6 %, и максимум была одна точка – 11 %. Нам для разгона надо более 13% стабильно. Это говорит о том, что, наверное, мы потеряли какой-то драйв ВВП на самом деле, который есть и который лучше бы найти вместо того, чтобы инвестировать в свою инфраструктуру.

У нас есть опыт вливания денег в инфраструктуру и куда угодно, те же майские указы, и тарифы, и монополии. К вопросу о том, за счёт чего у нас двигалась экономика. У нас и рост, и бюджет – все скоррелировано с ценой на нефть. Меня немножко удивило сообщение коллеги, что у нас нефть ответственна за одну треть роста. А почему же она ответственна за одну треть роста, а корреляция – 90 % с ростом ВВП у нефтяной цены? Я думаю, что там дело в кумулятивных эффектах, там просто нефтедоллары, которые напрямую увеличивают ВВП, ещё приходят в страну, менеджер Газпрома получает зарплату, на эту зарплату отдаёт сына в школу, покупает еду, платит учителю английского, учитель английского покупает еду и так далее. То есть вот этот мультипликационный эффект и приводит к тому, что в конечном итоге корреляция очень высокая. И всё это особенно не поддерживало ни не нефтяного ВВП, ни даже не нефтяного экспорта. Вот маленький график, если вы посмотрите – это не нефтяной экспорт, падает цена на нефть, он падает упряжающими темпами, потому что, к сожалению, кумулятивный эффект очень высокий. И вообще нам, собственно, не денег не хватает. Пожалуйста, можно строить инфраструктуру сколько хотите. У нас отношение М2 к ВВП больше, чем у Мексики, почти в два раза. Мексика, повторяю, очень хорошо растёт на данный момент. У нас внешний долг сильно падает, хотя мы могли бы занимать. У нас нелегальный вывоз капитала примерно равен 10-летним доходам от нефти.

К чему я всё это говорю? Вот это про наш средний класс (розовый кружочек), что с ним происходит, тот, который будет покупать жильё, которое коллега хочет строить в большом количестве – он сокращается огромными темпами. Кстати, по поводу жилья, если говорить просто про цифры. В России по 23–25 квадратных метров на человека, в Европе немножко больше за счёт того, что там больше индивидуального домостроения и учитываются гаражи и подвалы. А в странах типа Чили, Мексики, Индонезии, которые сейчас хорошо растут, размер площади на человека намного меньше, и это им совершенно не мешает. Объём строительства жилья у нас очень приличный сейчас. Он стагнирующий, не растущий, и отдельный вопрос – в чём заключается волшебная роль ипотеки, если у нас стагнирует рост объёма жилья всё равно, но, тем не менее, он ещё вполне приличный, и уж точно не жилищное строительство будет являться драйвером выбора. Скорее всего, это дополнительный расход. И если потом будут вопросы, я смогу рассказать про то, как выглядит субсидирование жилья с точки зрения ВВП.

Всё упирается в то, что государство значительно хуже умеет влиять на доходность и доходы и на себестоимость, чем на риски. Проблема российского государства в чудовищных рисках, из-за которых ни инвесторы, ни бизнесмены не хотят строить бизнес. Риски связаны с банальными проговоренными и не проговоренными вещами: правоприменением, законотворчеством, ответственностью правительства за свои действия, защитой прав инвесторов, базовой инфраструктурой и так далее. Если мы будем решать эти вопросы... решать их можно достаточно легко на самом деле. Можно риски снижать. Я не буду говорить, какими способами. Спросите меня, я отвечу, но это все знают, Михаил Эгонович может точно так же ответить. То тогда, наверное, инфраструктура понадобится. И, конечно, надо быть очень осторожным, надо понимать, кому она, где и как нужна. Должен быть заказ бизнеса на эту инфраструктуру, и тогда её можно строить, вообще говоря, под ответственность бизнеса, потому что в противном случае мы будем иметь абсолютные потёмкинские деревни, которые нам не нужны. А вот куда инвестировать государство может и должно – это наука и технологии, образование, медицина, это институты гарантирования экспорта, и нефтяного, безусловно, более развитого и важного, и это таргетированное снижение налогов, это тоже форма инвестирования, только обратная, мы недополучаем вместо того, чтобы отдавать. Вот в эти вещи инвестировать легко, потому что это уже драйвер бизнеса, там уже бизнес разбирается, куда надо входить, кроме фундаментальной науки, и там у нас, безусловно, есть огромное недоинвестирование.

Что, на мой взгляд, можно сделать? Действительно начать с капитального ремонта правоприменения. Сильно снижаем риски, у нас есть возможность кого-то привлечь к работе в этой стране. С кого можно начинать? С русскоязычных бизнесменов, которые находятся за границей, специалистов. Можем ли мы, аналогично Рузвельту, принять акты репатриации, которые позволяют на очень выгодных условиях репатриировать людей? Можем. Это несложно, это делалось в разных местах. Например, в Израиле это делается до сих пор. Сколько можно получить денег? Много. Сейчас расскажу, сколько. Можем принять акты в выделенных областях, где резко снижаются налоги, где государство гарантирует и соинвестирует, но опять же как миноритарий, а не как контролер на сегодняшний день. Убираем торговые барьеры. Когда убираются торговые барьеры, они улучшают условия работы местного бизнеса в том смысле, то ему нужно быть более конкурентоспособным и более дешёвым. Бизнес удивительным образом становится более конкурентоспособным и более дешёвым. Прекращается выпуск Жигулей и начинается выпуск чего-то другого. Это показывает мировая практика. Любой торговый барьер всегда заканчивается большим количеством Жигулей, никуда не денешься. Это плохой ВВП. Ещё к вопросу о том, что такое наша экономика, надо сказать, что такое ВВП хороший и плохой. Можно яму вырыть – это ВВП, закопать – это ВВП, опять вырыть – это ВВП. Вот Жигули – это такая яма, а

качество ВВП должно, конечно, меняться. И, конечно, надо сильно менять нашу систему социального обеспечения и пенсии. Нам надо, видимо, полностью переходить на «фис контрибьюшен» с агрессивными инвестициями этих денег, потому что сейчас мы фактически применяем к людям двойное налогообложение: мы собираем с них деньги на пенсии, а потом они вынуждены ещё раз копить на свою пенсию, которой никогда не будет от государства. И помимо того, что у нас на 20 % в среднем выше, чем в Европе, общее налогообложение, мы добавляем ещё вот эту абсолютно неизмеримую компоненту, в связи с чем у нас, например, когда был нефтяной бум, совершенно невероятно выросли зарплаты и мы стали неконкурентоспособны даже с точки зрения привлечения профессионалов на этом рынке.

Итого, если подвести итоги: модель, безусловно, работает. Всё, о чём говорил мой уважаемый коллега – оно, безусловно, позитивно, а не негативно там, где его вообще можно применять. В сегодняшней России его применять нельзя, потому что вся эта модель тоже превратится в Жигули: что-то будет сделано не так, что-то украдут, что-то будет работать плохо, а что-то будет не нужно, потому что мы не можем на сегодняшний день никакой инфраструктурой разогнать инвестиционный спрос, его просто нет. Надо понимать, что кейнсианская модель, которая лежит где-то в основе всего этого хозяйства, не учитывает ни степень открытости экономики, ни уровня коррупции, ни иррациональности действий субъектов, а это всё в огромном количестве в России сегодня присутствует. Почему – это тема отдельного разговора, и, может быть, не со мной, а с властью надо говорить.

Дальше если мы с вами посмотрим на то, что действительно посчитано с точки зрения реальных эффектов... Не будущих эффектов, в 40-м году от высокоскоростных магистралей, а реальных, которые были в прошлом. Просто эффект инфраструктуры не очень велик. Он хорош, но не очень велик. И нам нужно было бы очень сильно переждать на газ и выйти на 15 % ВВП инвестиций в инфраструктуру, чтобы получить тот эффект, который позволит нам хоть как-то начать медленно сближаться с тем уровнем развития, на котором сегодня находятся развитые страны. Кроме того, всё это невозможно в замкнутой системе. Нам нужно решительным образом открывать все барьеры. Как мы это будем делать, когда сегодня Президент говорит, что помидоров мало и надо придумать ещё огурцы по поводу Турции, я не знаю. И в конечном итоге вообще для применимости всех этих методов нужно кардинально снижать риски. Кардинальное снижение рисков находится в области не производственной, не инвестиционной – оно находится в области структурно-законодательной, оно находится в области общественного договора. Наш общественный договор, к сожалению, настолько архаичен, что я бы поостерёгся до того, как мы поймём, как его можно менять, говорить вообще о чём бы то ни было ещё. Спасибо!

Буклемишев. Спасибо, Андрей Андреевич! Вопрос.

Дмитриев. Андрей Андреевич, у меня вопрос всё-таки по существу: в Вашем представлении, какие-то решения, которые обеспечат устойчивый рост России темпами, приемлемыми для нынешнего уровня развития, допустим 3,5–4 % в год на долгосрочную перспективу – в чём они состоят? Это первый вопрос.

А второй вопрос по поводу инвестиций в здравоохранение и образование. На самом деле с точки зрения нашего уровня развития мы, по крайней мере, по образованию находимся на очень неплохих позициях - и с точки зрения общей продолжительности образования, и с точки зрения результатов тестирования. Например, по Пизе мы весьма близки к минимальному уровню стран ОЭСР, и с этой точки зрения Россия явно не обделена человеческим капиталом. А вот проблема вклада образования и здравоохранения в создание добавленной стоимости и общественного богатства существует, потому что вклад *intangible assets*, по оценке Всемирного банка, куда, собственно, и входят основные компоненты человеческого капитала, у нас намного ниже, чем вклад физического капитала и вклад сырья.

И явно эту проблему трудно решить просто вливанием денег в эти сектора. Всё-таки речь идёт о вливании денег или о сложных институциональных изменениях в этих секторах?

Мовчан. По поводу того, что, мне кажется, является методом. Во-первых, вы простите меня за банальность, граничащую с пошлостью, но в кругу нашего Президента так принято говорить: иногда дохлую лошадь бессмысленно погонять. Такие ситуации тоже бывают, и нам не нужно оказываться от рассмотрения такого печального варианта. С точки зрения нашей сегодняшней институциональной структуры экономики и общества – я боюсь, что это дохлая лошадь. Мы можем влить любое количество наркотиков, но оно работать не будет. Это паралич, а не грипп. Поэтому для начала, на мой взгляд, необходимо коренным образом поменять не власть, не персоналии, не способы вербального выражения фактов и даже не телевизор. Нам коренным образом нужно поменять институциональную структуру взаимоотношений. Риски снижать очень просто. Нам, по-видимому, нужен импорт правоприменения, нам нужно уходить, я не побоюсь этого слова, на британское право и нужно приводить в порядок систему правообразования, перейти на уровень развитых стран. Нам нужно реформировать институты и делать независимые институты правоприменения. Нам нужно менять... Простите, я не буду читать лекцию, потому что я не юрист и нет времени, но нам нужно сделать так, чтобы перцепшен инвесторов относительно рисков, защиты прав инвесторов и предпринимателей в стране был благоприятным, а не тем, какой сейчас. Какой сейчас, я могу рассказать не при женщинах.

Второй момент: нам нужно максимально снизить государственную нагрузку на бизнес с точки зрения себестоимости. У нас и прямая нагрузка, то есть объём проверок, и объём налогов, и объём затратных взаимодействий с государством огромный. А есть еще и непрямая нагрузка – за счет общей неэффективности системы. Я недавно общался с людьми из Минфина, и они мне сказали, что у нас только льгот для граждан порядка 800 разных видов. Для того чтобы обеспечивать обслуживание такого количества льгот, необходимо очень много налогов. Для того чтобы обеспечивать обслуживание той армии чиновников, которая у нас есть, а уж если я заговорил про Минфин, то можно вспомнить, что у нас есть программа совершенствования эффективности процессов финансового взаимодействия между регионами, на которую выделено 600 миллиардов рублей, – вот для этого нам нужен очень большой бюджет. Поэтому у нас бюджет намного больше, чем бюджет в странах, которые развиваются быстро (в процентах ВВП). Это второй этап. Если мы как государство это сделаем, то больше нам не надо будет ничего делать, потому что избыток денег в мире огромный, дефицит возможности инвестирования огромный, избыток денег у российских инвесторов, инвесторов с российскими корнями фантастический. Поверьте мне, я управляю деньгами и я вижу, как работают швейцарские банки. И если мы им создадим привлекательные условия, то объём денег будет больше сравнительно с нашими масштабами страны, чем тот, который в своё время шёл в Китай.

Это очень вкратце. Вы можете поймать меня на каждом высказывании, потому что когда вы пытаетесь суммировать, всегда получается коряво, и можно задать вопрос, а как же это, как же то; это можно проговорить, и уже проговорено неоднократно.

Вообще говоря, помимо десятка разных программ... Вот мы, кстати, в ФБК обсуждали с коллегой буквально вчера, что этих программ на самом деле написана дюжина, где всё это изложено, взять хотя бы одну, и пожалуйста, делай. Существует самая старая, самая вульгарная, самая простая программа, которую я в том числе писал в кружке Рубена Варданяна, называлась «Россия 2015», которая абсолютно точно всё это отражает. Ничего не сделано из этой программы, к сожалению. Можно было бы начать, пока не поздно.

По поводу образования и здравоохранения. Я вижу, какой чудовищный дефицит даже квалифицированных прорабов на стройках в России, какой огромный дефицит технологов, какой низкий уровень R&D в стране. Мы не в состоянии создать кадровые команды, которые

делали бы самые элементарные R&D. У нас с кадрами более менее как-то в области чистого программирования в IT; как только мы уходим в область химии, даже нефтяной химии, нам приходится привлекать огромное количество иностранных специалистов. Это одна проблема образования. Уж не знаю, как так получается.

Вторая проблема образования заключается в том, что помимо обучения химическим формулам нам нужно обучать людей стратегическому мышлению, коммуникации и менеджменту. У нас сегодня каждый вуз, который не очень поленился, получил право давать отсрочку от армии методом обучения менеджменту на факультете менеджмента, но найти квалифицированного менеджера в стране практически невозможно, это огромная проблема. В то время как в стране две трети населения должны быть хорошими менеджерами, потому что это и есть ткань экономики. На сегодняшний день наше образование заставляет 90 % студентов хотеть работать в Газпроме и в налоговой полиции. Это кошмар нашего образования. Мы чему-то не тому учим детей, если они хотят получать взятки и ничего не делать. Я уже не говорю о том, что можно распространяться о разнице, скажем, школьного образования в Америке и в России. В России школьное образование, направленное на то, чтобы все знали, как звали коня Болконского, но никто в России не знает, как вести переговоры. Поэтому мы ведём переговоры так, как мы ведём, что с Турцией, что с Украиной: сперва приходим, всё ломаем, бьём в морду, получаем в морду, а потом думаем, что с этим делать. То же самое происходит в бизнесе, то же самое происходит в социальной сфере и в обществе. У нас в обществе нет нормального диалога. А в Америке этому учат в школах. И это вопрос образования, в который надо вкладывать деньги, потому что преподаватели должны их получать, потому что средний возраст преподавателей у нас сегодня, по-моему, в полтора раза выше, чем в Америке. Почему? Потому что остаются те, кто не может ничего другого. Потому что у нас в России частных школ практически нет, здесь сидят отдельные героические люди, которые такие школы создают, им, а не лётчикам, надо давать звёзды героев, но, в принципе, таких школ в России почти не существует, а государственная школа не даёт нормального образования, с которым можно было бы идти дальше. Даже если это неплохая государственная школа, нам приходится подготовить ребёнка к университету или институту отдельно и самостоятельно. То есть система совершенно разрушена.

Что касается здравоохранения, я согласен, что, наверное, дело не в деньгах, как сказал бы Черномырдин, дело в структуре. Мы в своё время обсуждали проекты в здравоохранении, выходили на правительство с очень простой идеей: платите ваш тариф и дайте возможность учреждениям здравоохранения брать свой, субсидирование в размере вашего тарифа каждому клиенту. Учреждения здравоохранения, естественно, ранжировались бы по качеству и квалификации, более дорогие были бы лучше, менее дорогие были бы хуже, были бы те, которые вообще берут ноль и получают только субсидии и так далее. Нет, слишком сложно, сказали, слишком много законодательных актов надо менять, лучше мы не дадим никому работать. Это я дал длинный ответ. Короткий ответ: да, в области здравоохранения деньги не главное, но деньги тоже. У нас государственные инвестиции в здравоохранение меньше, чем в большинстве развитых стран.

Спасибо!

Буклемишев. Спасибо! Переходим к вопросам.

Норкин. Норкин Институт проблем управления.

Буклемишев. Только один вопрос.

Норкин. Тогда задам самый коварный. Когда Вы говорили о трудностях пенсионного обеспечения, то ссылались на то, что у нас на одного работающего слишком много пенсионеров. Но ведь пенсионеры создавали ту собственность, которой пользуются те люди, которые сейчас богатые. И за границей, например, значительные налоги на собственность

позволяют решить эту проблему. Как Вы считаете, это правильная наша точка зрения или нет?

Зотова. Елена Зотова. Во-первых, спасибо за интересные презентации. Вопрос и к Михаилу Эгоновичу, и к Андрею Андреевичу. Весь год развитые страны в двадцатке вместе с международными организациями продавливали идею, что основным фактором экономического роста является снижение неравенства. Ни Михаил Эгонович, ни Андрей Андреевич ничего не сказали про это. Как-то косвенно шло здравоохранение и образование, но опять же не в связи с неравенством. У меня простой вопрос: что вы как российские эксперты можете сказать по этому поводу?

Акапова. Акапова Татьяна Анатольевна, экономический факультет МГУ. У меня вопрос к Андрею Андреевичу. Вы в Вашем сообщении сказали, что у нас уже создана избыточная инфраструктура. Какой критерий оцени достаточности или избыточности инфраструктуры Вы при этом использовали? И если инфраструктура избыточная, то как бы Вы тогда прокомментировали то обстоятельство, что в международных рейтингах развития инфраструктуры, которые мы увидели в первом докладе, места России довольно скромные?

Пайдиев. Пайдиев, ЕЖК. Господин Мовчан, Вы говорили бесспорные вещи, я согласен. Вопрос простой: чтобы стало хорошо, все досудебные конфликты в нашей стране должны решаться в английском суде, а исполнять эти решения должны английские судебные приставы? В противном случае наши судебные приставы будут против тех изменений законодательства, которые Вы предлагаете. Как решается это противоречие?

Меломанов. Пётр Меломанов. Спасибо всем участникам за интересный диспут. Андрей Андреевич, к Вам такой вопрос: Вам не кажется, что если мы будем вкладываться в образование, то мы тоже ничего не получим? Аргументировать теми же Вашими принципами, что мы вырастем, грубо говоря, 400 выпускников МГУ будут уезжать за границу и не будут применять свои силы здесь.

Поваляев. Михаил Поваляев. У меня вопрос к Андрею Андреевичу по поводу нашего качества переговорщиков: если бы переговоры велись непосредственно со школьниками или с наугад пойманными на улице людьми, что с нашей страны, что с чужой, то Ваш аргумент о зависимости был бы хорошим, но переговоры ведутся с лучшими людьми, образование которых намного подробнее и сложнее, и можно допустить, что их там учат чему-то тайному, чему нас не учат. Хотелось бы подробнее услышать.

Годов. Годов, Институт Гайдара. Вопрос к Андрею Андреевичу. Мне бы хотелось знать: по Вашему мнению, у нас есть ли какие-то институты, которые представляют интересы бизнеса? Причём интересы более широкого круга, потому что они же должны как-то транслировать свои интересы, они должны быть к этому готовы, у них должны быть какие-то способы, как это сделать. Вот они сейчас есть или их сейчас нет? Или это не те люди? Или это какие-то околосударственные лоббисты?

Якобсон. Якобсон, Высшая школа экономики. У меня вопрос к Михаилу Эгоновичу, он касается темы длинных денег. У меня есть такое ощущение (и вопрос состоит в том, согласен ли со мной Михаил Эгонович), что те условия формирования длинных денег, которые не были проговорены, но подразумеваются, предполагают совсем не то качество государства, о котором говорил Андрей Андреевич. Я оговорюсь: я не вполне согласен с Андреем Андреевичем, но думаю, что и он для краткости кое-что утрировал, но, безусловно, кое-что есть из того, о чём он говорил. И вот как с длинными деньгами-то?

Егоров. Егоров, экономического факультета МГУ. У меня вопрос к Андрею Андреевичу. Андрей Андреевич, Вы говорили очень хорошо, что у нас плохо, чего не хватает и что надо делать. У меня такое ощущение, что у нас главный вопрос – не что делать, а как, то есть каковы механизмы в нашей государственной, институциональной среде: снижение налоговой нагрузки, снижение контрольной нагрузки на наш бизнес, снижение

правовой нагрузки на бизнес, из-за которых наши предприниматели уезжают за границу, например, в Китай, и очень не хотят из-за этого работать в России.

Катуков. Даниил Катуков, Институт экономики. У меня вопрос к обоим докладчикам, я сформулирую его так: на ваш взгляд, кто в идеале должен, кто реально может и кто, вероятно, будет в гендерном изменении?

Вопрос. Меня зовут *, частный трейдер. Вопрос к Михаилу Эгоновичу. Я услышал в Вашем докладе, что привлечение денег на все проекты предусматривает применение технологий финансового рынка. Но, по-моему, в последние лет 5 с применением этих технологий в России стало как-то не очень. Про финансовый центр Москвы мы вообще забыли и, по-моему, похоронили. Вот в этом направлении не видите ли вы вопрос?

Чуйкова. Чуйкова Людмила Петровна, экономический факультет МГУ. У меня вопрос к обоим докладчикам. Речь идёт о стратегии развития России, как было обозначено, но такое ощущение, что темой обсуждения оказалась роль инфраструктуры, модель роста, она подразумевает наличие некой стратегии. И у меня такой вопрос: скажите, пожалуйста, как вы оцениваете текущее состояние России? В разные периоды времени в странах на разных уровнях развития двигателем была промышленность, сегодня в передовых странах сфера услуг. Россия как позиционируется у нас в этом пространстве, в этом континууме? Я не поняла, на чём у нас основана модель роста.

Кайманков. Кайманков, экономический факультет. Я отталкиваюсь от утверждения, что доля промышленности в России примерно такая, как и в развитых странах. Ситуация следующая: мы на переходном периоде к новому технологическому укладу. В начале прошлого века была Первая Мировая война, Вторая Мировая. Мы находимся в предвоенной ситуации. Как учитываются геополитические и военные риски для России в этих красивых построениях, моделях и так далее? Вопрос к обоим докладчикам.

Андряков. Андряков, Высшая школа экономики. Я хотел бы задать один и тот же вопрос обоим коллегам. Он идёт, в принципе, в продолжение того, что спрашивал Леонид Пайдиев, но с некоторым уточнением. Мы находимся в определённой политической реальности: есть элита, была попытка изменений в 2011 году, она затухла. И если учитывать эту политическую реальность и эту элиту, то некое ощущение, что, вообще говоря, не будет больших политических изменений в ближайшие годы. То тогда кто и почему будет делать то, что вы здесь нам рассказывали?

Буклемишев. Теперь начинает Андрей Андреевич.

Мовчан. Первый вопрос был про налоги на собственность как базу для пенсионного обеспечения. Ответ длинный. С одной стороны, понятно, что «мы» в широком смысле проделали некоторую вещь в 90-е годы, которую, может быть, не надо было делать: вместо того чтобы строить новый бизнес и новый капитализм на базе добавленной стоимости, мы просто передали в частные руки сформированную собственность, тем самым де факто теми процедурами отобрав у народа и отдав конкретным людям, которые стали распоряжаться ей, естественно, как рентой, которую они получили, и мы из социализма оправились прямо в феодализм. Тем не менее, это сделано. Мы сегодня находимся в 2015 году, когда это есть. Сказать, что мы можем вернуться обратно и отобрать собственность у этих людей или у кого-то там, теоретически можно, но тогда из феодализма мы отправимся в первобытно-общинный строй, потому что формирование законов, имеющих обратную силу, разрушает последние остатки государства. Мы сделали это законно, оно сделано, мы прошли вперёд. Можем мы это изменить? Уже не можем, если мы хотим сохранить страну. Страны просто не будет, если мы это сделаем. А с точки зрения пенсионного обеспечения – безусловно, нужно сейчас строить новое пенсионное обеспечение, нужно очень жёстко, на мой взгляд, разделить работающих и неработающих, тех, кто может ещё заработать себе пенсию сам, и тем, кто уже не может. Те, кто не может – это расход для государства, и его нужно

обеспечивать, а те, кто может, должны зарабатывать сами. Главное в этом последовательность и аккуратность: как в Польше в своё время это было сделано без всякой нефти: поляки примерно 10 лет делали пенсионную реформу, одну, от начала до конца. Сделали и решили больше никогда не менять в обозримой перспективе. Если бы мы сделали примерно это, я думаю, что ситуация была бы другая. Но мы сделали уже, по-моему, четыре пенсионных реформы, и пятая, последняя пенсионная реформа – это заморозка. Вот в этом, на мой взгляд, проблема.

По поводу снижения неравенства. Я деревенский парень, поэтому я могу в чём-то ошибаться с точки зрения науки, но я очень часто встречаюсь с попыткой спутать каузацию и корреляцию. Снижение неравенства, на мой взгляд, во многом происходило в развитых странах за счёт того, что развивалась экономика. Это был результат, а не причина. У нас архаичная экономика, архаичная система общества, у нас, конечно, будет большое неравенство. В феодальном мире всегда большое неравенство. Рента – это лучший способ создать неравенство, придуманный в мире на сегодня. У нас это неравенство будет снижаться по мере того, как у нас основным драйвером экономики будет труд, поскольку трудовой ресурс распределён в обществе значительно лучше, чем рента в консолидированном государстве, и так далее.

Можно ли придумать, как снизить неравенство? Например, по-французски, то есть у всех отнять и поделить налоги, там 75 % подоходный налог на богатых, и получить рост экономики нельзя, потому что пропадают стимулы для роста экономики. Во Франции это можно себе позволить, им не нужен рост, у них высокий ВВП на человека, они могут стагнировать на здоровье много лет. Мы это себе позволить не можем, у нас ВВП низкий на человека и ещё чудовищное его качество. Поэтому всё-таки я бы начал не с неравенства, а я бы начал с реформ, которые улучшают экономику.

По поводу оценки избыточности инфраструктуры. Во-первых, я как человек, который руками трогает, инвестирует и иногда получает убытки, хочу посоветовать не использовать рейтинги для оценки, потому что рейтинги пишут люди, которые получают небольшой оклад и больше ничего не умеют. Чиновники сидят в этих своих агентствах, они никогда не пробовали бизнеса. В реальности оценивать надо, конечно, не таким образом, а оценивать надо, исходя из структур спроса и предложения. Если инфраструктура у вас не умирает... у нас же не падают трубы котельных, не обрушиваются мосты, а бизнес при этом сокращается по 10–15 % в год, то, наверно, у вас остаётся лишняя инфраструктура. Это раз.

А где её искать – я могу привести несколько примеров. Например, знаете ли вы, что у нас сейчас столько товарных вагонов, что средняя скорость перевозки грузов уменьшается от того, что они мешаются на путях. Это факт российской экономики на сегодня

Реплика. Может быть, путей не хватает.

Мовчан. Может быть, путей не хватает. Но вагоны стоят пустые. Их загрузили бы, если бы было много груза.

Реплика. Это они готовятся под новые грузы.

Мовчан. Они готовятся под новые грузы, под новые пути, но это всё следующий этап. А вагонозавод продолжает делать вагоны, у него соотношение долга к ebitda давно за 200, но он всё равно продолжает делать вагоны, потому что он должен это делать, это его задача. Электроэнергия, у нас избыточные электроэнергетические мощности, это мы тоже знаем. У нас в большом количестве мест избыточные дорожные мощности. Мы говорим о том, что у нас не хватает дорог, но мы же считаем температуру по больнице, мы говорим, что у нас не хватает градусов у пациентов, а на самом деле мы туда притащили людей из морга, и людей с лихорадкой. У нас есть регионы, где дороги вообще не нужны, потому что там людей уже давно нет. А в московской агломерации в общем всего хватает, у нас в московской агломерации и ВВП хороший, только не растущий. Московская агломерация

могла бы расти очень хорошо при нашем уровне инфраструктуры, но не растёт, ВВП тоже падает. Почему? Потому что производная от нефти, потому что рентная экономика. Если разбираться, то сперва с этим, а потом уже думать про инфраструктуру.

По поводу английских судов и судебных приставов. Проблема – где взять столько английских судебных приставов. Хотя опыт импорта правосудия есть в мире, и это не так сложно, это можно организовать, это можно завести. Со всем этим должны согласиться элиты, иначе всё это бессмысленно. У меня будет ответ на вопрос, как они согласятся. В принципе, изменения в правосудии не требуют изменений в обществе, замены общества или всех судей, всех приставов. Они требуют замены ключевых кусков и создания системы ответственности. Человек становится хорошим значительно легче, чем он становится плохим, на самом деле; главное – его немножко испугать. Это проверено практикой. А можно не испугать, а можно его немножко похвалить. Или как было в Америке, как в американской полиции победили коррупцию? Дали хорошую пенсию и стали увольнять за малейшее нарушение, без сохранения пенсии. И вот полицейский, который иначе бы никогда не смог жить после 50 лет в свое удовольствие, получил шанс – только служи честно. Это сыграло совершенно поразительно.

По поводу образования. У меня записан вопрос: изолированное образование. Можно повторить вопрос?

Вопрос. Если мы будем вкладываться в образование, не приведёт ли это к тому, что вывод капитала у нас будет...

Мовчан. Вспомнил. Спор о том, что нужно для спагетти болоньезе – фарш или макароны – бессмысленно. Если будет только фарш, у нас не будет спагетти болоньезе. Понятно, что всё это должно идти в комплексе. И вкладываться в образование нужно параллельно со всем остальным, иначе люди действительно будут уезжать. Это вообще отдельная очень интересная тема по поводу образования, по поводу фондов, которые шуруют по школам. На мой взгляд, слава богу, что шуруют, потому что есть шанс, что кто-то вернётся с образованием, а так никто его не получит, но тем не менее. Поэтому короткий ответ – да, изолированно, конечно, не работает, как и всё остальное; это некий комплекс.

По поводу переговорщиков. Образование наших переговорщиков мы все знаем. Я не хочу комментировать. Я думаю, что здесь важно не то, какое у них конкретно образование, а важно то, как выглядит среднее образование в обществе, которое оценивает результаты переговоров. Вот когда средне образованный человек в обществе пишет на своём пикапе: «Обама – чмо. Верни налоги», – это образование, и под это «Обама – чмо» можно разрушать Украину. А когда средний человек в обществе в состоянии отличить продуктивные переговоры от непродуктивных, когда для основной массы населения становится понятно, что проблема не в том, справедливо или несправедливо присвоен Крым, а в том, какие будут последствия подобных действий и как их надо делать, если мы хотим добиться позитивного результата, вот тогда действительно возникает общественный запрос на правильные действия. Надо сказать, что наша власть управляется не злобной корыстью, не дьяволом из преисподней, не вашингтонским обкомом – она управляется общественным мнением в России. Это общественное мнение в России создало ту ситуацию, в которой мы находимся. Общественное мнение формируется, вообще говоря, образованием.

Реплика. И той же властью.

Мовчан. Кто-то же не ест эту кашу, есть же такие люди.

Реплика. Средства массовой информации...

Мовчан. Средства массовой информации – это часть образования, только часть. Кроме того, у меня есть хорошая новость: даже опрос ВЦИОМ показывает, что почти в два раза упало доверие к телевизору, то есть, значит, нашего образования, кажется, начинает хватать на отказ от телевизора – но ни на что другое не хватает.

Вот вы говорите про институты, представляющие интересы бизнеса. Я могу задать вам вопрос а ля ФБК: а вы знаете институты, которые представляют хоть чьи-нибудь интересы в этой стране? А могу сказать, что есть Титов, например, и он делает разные вещи, некоторые кажутся мне странными, например, Столыпинский клуб. То есть, как ни странно, мне это совершенно понятно, это просто бенефициары эмиссии, как их можно называть. А некоторые вещи он делает хорошие. Но вот эта попытка защищать предпринимателей, как евреев в средневековой Испании, никогда не бывает особенно успешной, поскольку всё-таки есть контекст, поэтому я бы этот вопрос не стал задавать всерьёз.

Механизмы изменений я все проговорил, они понятны. Нам надо начать с основных рисков. В конце концов, если бы я был большой начальник, тогда я бы позвал иностранцев, как это сделали в Польше в своё время. Они нашли Лешека Бальцеровича, а я нашёл бы ещё кого-нибудь. Не Саакашвили; нам сейчас нужны другие вещи. И построить действительно программу изменения правоприменения, и создать новые законы. Я думаю, что года работы нескольких сотен специалистов хватило бы на то, чтобы это сделать, и дальше можно было двигаться на этой базе. Мы не умираем сегодня. У нас 8 с половиной тысяч долларов на человека ВВП. Мы ещё пару тысяч долларов на человека можем потерять совершенно безболезненно. У нас пока есть время. Через 5 лет этого времени не будет, оно кончится.

А по поводу агентов изменения – мне кажется, это очень интересный вопрос. Я экономист, и даже не экономист, ну уж точно не политолог, но вот что мне подсказывает мировой опыт, как любили говорить в программе «Время»: обычно автаркия существует в сильной привязке к личностному фактору, потому что они строятся вокруг чаще всего случайной личности, которая оказалась гвоздиком в ножницах, и этот гвоздик не выпадает, потому что его позиция очень устойчивая, как минимум потенциальная энергия системы очень высока, но результирующая сил, действующих на него, равна нулю, и вокруг него это всё наматывается. Когда по тем или иным причинам происходит выпадение гвоздика (ну все смертны, или резко силы поменялись), а вставить новый гвоздик очень тяжело, он часто не попадает в дырочку и так далее... то часто автаркия за счёт необходимости естественного договора между элитами, которые уравниваются в автаркии, автаркия превращается в систему более или менее развитой демократии, потому что они очень быстро понимают, что использовать закон удобней для создания общественного договора между собой. Поэтому я абсолютно не считаю, что в этой стране может произойти какое-то широкое общественное движение революционного плана. Это отдельная тема для разговора, почему я так совсем не считаю, и слава богу на самом деле. Не дай бог кому увидеть такое движение. Но то, что мы все не вечны и даже почти вечные люди не вечны – это факт, и не вечны они разными способами: они не вечны физически, они не вечны морально, они не вечны, исходя из договора элит. Вспомните Испанию, даже не средневековую, а XX века. Эта невечность бывает невероятно розово-голубой, нежной и бескровной. И дальше часто образуется общественный договор, который преобразуется потом со временем в демократию. И в России есть весь потенциал для этого. Здесь достаточно высокий уровень развития, и общество достаточно хорошо развито, если вы сравните с той же Испанией 50-х годов, например. Поэтому я в такие изменения верю больше.

Был вопрос про имплементацию международного права. Мне кажется, я на него уже более менее ответил. Как мне кажется, его можно сделать.

По поводу драйверов роста. Не сфера услуг, конечно, является драйвером роста в современных странах, не количество парикмахерских в ВВП Соединённых Штатов Америки. Драйвером роста является бурный рост эффективности, бурный рост потребления. Я бы даже назвал грубо потребление навязанным, то есть потребление того, что не очень нужно. Вот то, что сейчас у меня электронная почта всё время что-то мне рассказывает – мне это совершенно не нужно. Я 20 лет назад работал с той же эффективностью без всякой

электронной почты. И банально развитие технологий, конечно. Мы начинаем дольше жить, за жизнь больше потреблять, мы начинаем быть здоровее и потреблять больше, мы начинаем больше отдыхать, больше пользоваться различными услугами и товарами, население планеты растёт, требовательность к качеству растёт. Вот это драйвер современного мира. То же самое может быть в России. В этом смысле мне странно слышать разговор, что мы достигли пика доли промышленности. Во-первых, что мы называем промышленностью? Чугунные чушки мы тоже называем промышленностью? Или строительство из бетонных блоков. Промышленность сегодня – это 3D-принтер, промышленность сегодня – это кремний, промышленность сегодня – это R&D, промышленность сегодня – это качество архитектуры, высота зданий, микроклимат в сооружениях и так далее. И здесь мы ещё даже не начинали переходить, потому что мы ничего не достигли, поэтому, конечно, здесь потенциалов очень много.

И последний вопрос самый приятный, потому что ответ на него очень простой – про предвоенное состояние. Предвоенное состояние есть внутри мозгов у некоторых людей. Никакого предвоенного состояния, конечно, нет. Есть хорошие, интересные теории по поводу того, когда государства воюют, когда не воюют. Мало того что есть ядерные ракеты у всех кому не лень, кроме того ещё сегодня цена войны, конечно, очень высокая. А локальные конфликты были, они есть и они будут. Мы не более в предвоенном состоянии, чем в 79-м году, не более, чем в 68-м, так что я думаю, что нам вряд ли даже стоит это обсуждать.

Буклемишев. Спасибо. Михаил Эгонович.

Дмитриев. Спасибо большое! Первый вопрос господина Норкина по поводу того, справедливо ли отнимать что-то у нынешних пенсионеров. Конечно, несправедливо. Речь идёт о других проблемах. Наша проблема в том, что доля экономически активного трудоспособного населения у нас очень низкая. Она всего 60 % против средней по странам ОЭСР, превышающей 70 %. В странах нашего размера - Германии и Японии это порядка 77 % трудоспособного населения. И когда у них был пенсионный возраст такой же низкий, как у нас 20 лет назад, у них была такая же низкая норма участия трудоспособного населения в трудовой жизни. Когда они постепенно начали повышать пенсионный возраст с учётом роста количества лет здоровой жизни населения, которое у нас тоже сейчас растёт, то это привело как раз к современному состоянию их рынка труда. У них доля экономически активного населения выросла на 15–17 процентных пунктов. И нам тоже волей-неволей придётся это сделать – постепенно начать повышать пенсионный возраст, потому что падение численности трудоспособного населения приведёт к резкому торможению производительности труда. И куда бы мы ни пытались вложить деньги, прежде чем это сделать и создать новые рабочие места, нам надо ликвидировать два рабочих места где-то в другом месте для того, чтобы в условиях снижающегося трудоспособного населения создать одно рабочее место в новом инвестиционном проекте. В таких условиях рост, основанный на инвестициях, очень затруднён. Нынешним пенсионерам повышение пенсионного возраста никак не уменьшает размеры пенсий, наоборот увеличивает, потому что те же пенсионные взносы, точнее - более высокие благодаря росту занятых- делятся на меньшее количество пенсионеров в связи с тем, что их приток замедляется.

Теперь по поводу неравенства (вопрос Елены Зотовой). Наше неравенство поразительно стабильно, оно не сильно менялось, начиная где-то с конца 90-х годов, несмотря на очень сильные изменения в состоянии экономики. Как мне кажется, в 2000-е годы на него влияло два разнонаправленных фактора. Андрей назвал ренту, которая действительно вела к росту неравенства, и рента распределялась довольно неравномерно. Но второй фактор – то, что потребление опережало рост инвестиций, вело к тому, что этот фактор особенно позитивно повлиял на долю людей с низким уровнем дохода. И фактически

абсолютная бедность в России за эти годы была преодолена, то есть число людей, живущих на доходы ниже двух с половиной долларов в день на человека, упало до статистически незначимой величины где-то на рубеже 2010–2012 годов. При этом, конечно, доля людей с большими доходами тоже росла, их доходы росли, но благодаря вот этой тенденции опережающего роста уровня жизни, которая происходила весьма равномерно по разным доходным группам, в целом неравенство не выросло. Сейчас, в новых условиях, если мы выйдем на устойчивую траекторию роста, то, скорее всего, оба этих фактора изменят свое направление. В старой модели роста доля потребления и доля труда росла, и это способствовало снижению неравенства. В новой же модели роста как минимум в первые 7–10 лет – это будет рост, основанный на инвестициях. Он потребует увеличения доли инвестиций в ВВП и, соответственно, доли капитала в добавленной стоимости. Это неизбежно приведёт к определённому росту неравенства за счёт снижения доли труда и роста доли капитала. Но зато рентные источники дохода схлопнулись, и они схлопнулись, можно сказать, навсегда в тех масштабах, в которых они имелись в «нулевые» годы. Это, наоборот, поможет уменьшению неравенства. Как это сработает вместе, – приведёт ли это, например, к уменьшению коэффициента Джини или коэффициента Палмы или их роста, не могу сказать. Мне кажется, что серьёзных колебаний в неравенстве при таких трендах у нас не произойдёт.

Теперь вопрос Льва Ильича про длинные деньги, откуда они возьмутся и не слишком ли велики риски институционального характера, прежде всего риски, связанные с защитой прав собственности. Я здесь не собираюсь спорить с Андреем. Эти риски в России избыточно велики в силу принципиального отсутствия какой-либо самостоятельности судебной ветви власти. Это фундаментальный системный вопрос, который существенно повышает риски ведения бизнеса в России, и в ближайшее время вряд ли он может быть решён в существующем общественно-политическом контексте. Но если мы посмотрим на то, мешает ли это принципиально инвесторам вкладывать деньги на длительные сроки в те инструменты, которые могут быть использованы для финансирования инвестиций – нет, не мешает, по крайней мере, во многих случаях. Российские евробонды имеют дюрацию до 30 лет, и это никого особенно не смущает. В диверсифицированном портфеле такие облигации очень часто помогают сбалансировать риски. А если мы посмотрим на среднюю дюрацию российских облигаций, то мало того, что она выше средней по странам со средним уровнем дохода и уже сейчас составляет 8 лет, по данным Всемирного банка, но она превышает среднюю дюрацию облигаций в развитых странах. Когда мы говорим о финансировании инвестиций, мы говорим о достраивании именно этой системы, прежде всего основанной на эмиссии проектных облигаций. Эта эмиссия в идеале должна происходить на условиях, которые позволяют снизить риски дюрации, риски рефинансирования и иные риски инвесторов и эмитентов, а также позволяют обеспечить ликвидность. Инвесторы, которым по каким-то причинам быстро потребуются деньги, должны иметь возможность эти облигации на рынке продать и не понести при этом чрезмерных потерь. Для этого на ранних этапах развития рынка у него должен быть создан маркетмейкер, помогающий сформулировать стандарты эмиссии проектных облигаций и способный при необходимости выкупать у инвесторов облигации, соответствующие этим стандартам. Риски, связанные с разрывами в дюрации, когда используются короткие пассивы для последующего преобразования в длинные активы, тоже поддаются управлению. Например, могут использоваться сделки *mini-perm*, когда проекты гринфил на стадии строительства финансируются за счёт банковских кредитов, которые после ввода объекта в эксплуатацию рефинансируются путем размещения долгосрочных облигаций. В Австралии, например, спонсоры инфраструктурных проектов (а это как правило региональные или местные

администрации) предоставляют гарантии на случай разрыва в финансировании, который в сделках *mini-perm* может возникнуть на стадии перехода от кредита к облигациям.

В этой сфере есть и много других таких же вопросов. Они носят прежде всего технический характер и потому вполне решаемы. В другом аналогичном сегменте рынка длинных денег – в сфере ипотечного кредитования – именно так и было сделано. Средняя дюрация выданных ипотечных кредитов у нас порядка 8 лет, это длинные деньги. При этом заемщики стараются погасить их раньше из-за высоких процентных ставок, из-за чего фактическая дюрация оказывается меньше, чем контрактная, – порядка 5 лет. Но это связано не с рисками потери собственности, а с совсем другими рисками. Более того, я бы сказал про риски потери собственности – это очень специфическая история. Развитие городской инфраструктуры, которое напрямую связано с системным ростом производительности всех бизнесов, которые расположены в плотной городской среде, – оно-то как раз сопряжено с меньшими рисками.

Я буквально месяц назад был в Мюнхене на выставке Экспо Реал, где Минстрой имел свой стенд. Для него один из международных риелторов сделал брошюру про специфические проблемы российского рынка. Там было затронуто много вопросов – и про макроситуацию, и про то, насколько привлекательны сейчас цены на российском рынке и так далее. Но мне бросился в глаза один комментарий. За весь период существования российского рынка недвижимости в его нынешнем состоянии не было ни одного прецедента изъятия собственности у инвестора с чистым контрактом, то есть когда собственность была приобретена у законного собственника и зарегистрирована в соответствии с требованиями законодательства. И этот риелтор оценивал такого рода риски – риски изъятия законно приобретенной собственности на объекты недвижимости в российских условиях – как чрезвычайно низкие. А по качеству и эффективности системы регистрации недвижимого имущества, если мне не изменяет память, мы находимся на 8 месте в рейтинге *Doing Business* Всемирного банка, опережая большинство развитых стран. Это один из тех институтов, который в России работает очень хорошо. Так что, понимая все риски, связанные с судебной властью, и признавая эти проблемы, я хочу сказать, что на рынке длинных денег всё совсем не так безнадежно, как может показаться, если мы рассматриваем практические проблемы, а смотрим на это с высоты птичьего полёта.

Теперь по поводу того, кто будет двигать процесс перемен. Этот вопрос задавал господин Катуков и Андрей Александрович Яковлев. В условиях такого глубокого экономического кризиса, который к тому же может перейти в затяжной, и в условиях последующих стагнационных темпов роста, которые явно будут порождать социальное и политическое напряжение, этот вопрос у меня особых тревог не вызывает. Наше нынешнее тяжелое экономическое положение – это очень хороший стимул и для элиты, и для населения требовать перемен. Кстати, очень любопытная вещь, буквально на прошлой неделе появился опрос Левада-центра об отношении к «Маршу перемен», который собиралась провести оппозиция. Он вызвал полное или частичное одобрение у более чем 40% москвичей. Ни один предыдущий марш оппозиции за последние 3 года и близко не вызывал такого интереса. Я не к тому, что обязательно эта ситуация вызовет спрос на чисто политические изменения или новый всплеск политической нестабильности, но запрос на изменения быстро нарастает у всех субъектов – у правительства, у бизнеса и у населения. Это отличный момент для продвижения назревших реформ. Примерно те же возможности мы и имели в 1999-2000 годах – и тогда страна смогла успешно ими воспользоваться. Поэтому по поводу драйверов реформ я достаточно спокоен. Это не те реформы, которые даже нынешним элитам пришлось бы делать через силу. Многие из этих реформ можно сделать, не сильно жертвуя наиболее чувствительными политическими интересами.

Госпожа Чуйкова спрашивала по поводу того, а что же всё-таки будет расти. Наибольший потенциал роста имеют зоны высокой экономической плотности – это городские агломерации. Любое расширение этих зон и перемещение бизнеса, то есть труда и капитала, в эти зоны ведёт к ускоренному росту производительности. Именно этот ускоренный рост производительности позволяет нивелировать отрицательные экономические факторы среднесрочного характера – завершение периода ресурсного роста и начало периода быстрого падения численности трудоспособного населения. Нам нужен какой-то фактор, который это нивелирует. Недостаточная концентрация бизнеса и населения в урбанизированных зонах с высокой экономической плотностью – это как раз тот потенциал, который можно реализовать достаточно быстро. И бизнес, и население на самом деле пойдут туда, если там появится жильё и появятся условия для ведения бизнеса. Во многом в агломерациях они зависят от инфраструктуры, хотя институты и правовая защита тоже имеют значение. Какие отрасли прежде всего обладают наибольшим потенциалом? Высокотехнологические отрасли бизнес-услуг, включая, в том числе, деятельность в сфере инноваций. Андрей Мовчан о них упоминал, говоря про индустриализацию. На самом деле это отрасли бизнес-услуг, тесно связанные с промышленностью, но не сводящиеся к ней. Даже бóльшая часть 3D-принтинга – это не о промышленности, это, наоборот, разрушение традиционной поточной промышленности и переход, например, производства автокомпонентов в сферу услуг. Автосервисы будут изготавливать многие комплектующие для автомобилей на 3D принтерах вместо того, чтобы заказывать их у промышленных предприятий. Обрабатывающая промышленность даже в российских условиях тоже обладает большей производительностью в зонах с высокой плотностью населения и бизнеса, и она тоже будет там успешно развиваться. Но всё-таки возможностей опережающего роста по отношению к ВВП у обрабатывающей промышленности не так много. Скорее, это будут сектора услуг.

И, наконец, последний вопрос про геополитические риски. Извините, можно напомнить этот вопрос?

Вопрос. То, что Вы рассказали концепцию привлечения коротких денег... короткие и длинные – это подразумевает...

Дмитриев. Да, всё, я вспомнил. Спасибо. Я вспомнил, что Вы имели в виду, что у нас не всё ладилось с созданием финансовых рынков.

Реплика. Разрушение.

Дмитриев. Нет, разрушение в кризис финансовых рынков – это нормально, поскольку финансовый сектор – отрасль проциклическая. А вот по поводу развития институтов и повышения качества различных сегментов финансовых рынков ситуация далеко не так безнадежна. Я два года подряд до начала этого кризиса участвовал в качестве сопредседателя в российско-британской рабочей группе по длинным деньгам, которую группа А.Волошина по созданию Международного финансового центра организовала с экспертами из лондонского Сити. И общение с ними очень сильно изменило моё отношение к тому, что происходило на некоторых сегментах российских финансовых рынков. В частности, люди, которые очень хорошо изнутри знали проблемы валютой торговли и торговли облигациями, рассказывали мне, что в период после 2010 года в течение двух или трёх лет в России была создана система валютных торгов и торговли облигациями, которая оказалась лучше европейских трейдинговых систем. Они говорили об этом без всяких шуток, очень хорошо понимая детали, которых я, например, не понимаю. И то же самое у нас происходило во многих других сегментах. Я уже приводил ипотечное страхование, но система гарантирования банковских вкладов работает тоже довольно устойчиво, и это очень важный элемент стабильности банковского сектора. Она позволила предотвратить гораздо более глубокий каскадный банковский кризис, потому что мы избежали более масштабной

паники с изъятием банковских вкладов, чем она бы быть в условиях нынешних валютных стрессов. Это не значит, что все эти системы идеальны, но они меняются в лучшую сторону и довольно быстро. Это не надо недооценивать. Потенциал хороших структурных институциональных изменений на российских финансовых рынках очень большой, и в сфере реформ накоплен большой человеческий потенциал, который позволяет их успешно реализовывать. Власти же научились этому как минимум не мешать, а во многих случаях успешно этому содействовать.

Буклемишев. Друзья, я как носитель традиций готов объявить сессию очень коротких выступлений, поскольку, я думаю, будут желающие. Я больше минуты всё равно не дам, потому что уже время и нам нужно оставить коллегам хоть какое-то время на завершение. На самом деле времени осталось уже 4 минуты. Давайте дадим по минуте каждому желающему выступить, но с убедительной просьбой всё-таки выступать по теме. Я буду самым жёстким образом пресекать выступления не по теме. Пожалуйста, кто желает выступить, поднимите руки. Раз, два, три, четыре, пять. Давайте.

Муж. Очень интересные доклады. Я бы советовал Михаилу Эгоновичу больше внимания уделить следующим вопросам. Во-первых, учёт конфликта интересов лиц, принимающих решения. Андрей Андреевич очень внимательно рассмотрел это, а Вы – недостаточно, на мой взгляд. Второй вопрос: Вы должны обязательно учесть (вот это Андрей Андреевич тоже говорил), что развитие транспорта, если мы будем собирать деньги за транспорт с тех, кто перевозит грузы – это неправильно. Это инфраструктурная вещь, и доход от системы транспорта получают не те люди. Я очень доволен, что Андрей Андреевич рассматривал конфликт интересов. Я в своё время сказал, когда меня спросили, почему мы не делаем реформы как в Китае, я сказал, что у нас нет столько китайцев. Вы очень правильно, Андрей Андреевич, говорили об образовании. Но я исследовал этот вопрос. Вот если посмотрите, сколько талантливых людей вышли из гимназии Ветман (?), вы удивитесь.

Муж2. Я бы хотел про презентацию Михаил Эгоновича. Немного непонятно про высокоскоростные магистрали, потому что это, кажется, вообще достаточно утопичная идея - в нашей стране с большими расстояниями строить высокоскоростные магистрали при низкой плотности населения. Поэтому даже если мы вдруг примем то, что говорит Андрей Андреевич, у нас появится правоприменение и так далее, мне кажется, что постройка вот этих высокоскоростных магистралей – это бесперспективная вещь, потому что, например, в прошлый год, когда у нас были электрички, профессиональные железнодорожники говорили, что только существует только одна страна мира, в которой пригородные электрички – это Япония с очень большой плотностью населения. Во всех остальных они субсидируются государством. Поэтому, если уж разговаривать про инфраструктуру, как мне кажется, выгоднее вкладывать в авиасообщение, то есть строить аэропорты..

Муж3. Экономический рост является необходимым, но недостаточным условием прогресса.

Яковлев. Это не тема. Отдайте, пожалуйста, микрофон. Сегодня у нас другая тема. Кто ещё хотел выступить?

Реплика. Всё.

Яковлев. Может быть, вы всё-таки скажете пару слов? Давайте, раз уж время осталось.

Терёхин. Сначала я хотел извиниться перед Андреем Андреевичем за свой вопрос. Извините, плохо расслышал начало Вашего выступления. Инвестиции – это присоска к экономике. Разрешите поставить точку. Спасибо.

Буклемишев. Давайте дадим завершающее слово двум участникам. Сначала выступил Михаил Эгонович и потом Андрей Андреевич. Кратко, пожалуйста, подведите итог.

Дмитриев. В данном случае я бы не стал рассуждать абстрактно и строить чисто теоретические модели. Недавно МВФ проанализировал 120 эпизодов роста, основанного на инвестициях в инфраструктуру со значительным участием инвестиций со стороны государственного сектора. Они происходили в странах с самой разной институциональной средой, в основном в странах с низким и средним уровнем дохода. Средний объём увеличения нормы инвестиций – 7 процентных пунктов ВВП – это примерно соответствует тому, насколько нам надо увеличить долю инвестиций в инфраструктуру и жильё. Средний уровень ускорения экономического роста составил полтора процента ВВП в год в первые 5 лет с поддержанием ВВП в будущем выше потенциального уровня, соответствующего инерционному сценарию. Как ни странно, такого рода эпизоды в среднем сопровождались снижением уровня государственного долга в процентах к ВВП на 5 процентных пунктов, что было связано с ускорением роста ВВП и с менее быстрым ростом номинального долга по отношению к росту номинального ВВП.

Мовчан. На самом деле совершенно очевидно, что то, что мы говорили – это не антагонистическая позиция, а это, скорее, сочетание теоретической и практической позиции. К сожалению, при всей правоте теоретического подхода дьявол всегда в деталях. Всегда в деталях столько дьяволов, что этот подход на нашей территории плохо работает, если вообще работает. Вот финансовый рынок – кстати, это отличный пример, очень хорошо, что он здесь появился. Я человек не чужой на финансовом рынке. Финансовый рынок у нас почти отсутствует в стране, почти отсутствует как с точки зрения институциональной, так и с точки зрения внутренних рисков и качества институтов, так и сточки зрения объёмов и оборотов, так и сточки зрения соотношения Р/Е или спредов к UST мы находимся на уровне даже не развивающихся стран, а забывших развиться стран. При этом у нас для него инфраструктура построена отличная. И Александр Волошин в том числе в личном письме мне недавно докладывал, что программа по построению Московского финансового центра в целом выполнена успешно и всё хорошо, только ничего не работает, естественно. Это ровно то, о чём я говорил в презентации. Также будет с любой другой инфраструктурой.

Про расчёты, когда они делаются в теории. Хороший пример – это вот тот самый расчёт МВФ. Там есть страны со средним уровнем дохода и ВВП на человека и есть страны с низким. Достаточно легко посмотреть и сегрегировать, чтобы понять, что когда ты берёшь страны с низким уровнем дохода, то вложения в инфраструктуру в стране с очень низким уровнем душевого дохода и ВВП, конечно, значительно сильнее влияют на рост ВВП, чем в странах, у которых этот уровень более высок, потому что у нас есть ещё некоторые качественные барьеры. Конечно, когда отсутствие дороги превращается в грунтовую дорогу – это значительно сильнее даёт ВВП в процентах, чем превращение грунтовых дорог в асфальт и так далее. Поэтому всё-таки я настаивал бы на том, что нужно сравнивать очень корректные вещи. Я специально оговаривался, что в исследовании, которое я привожу, страны, у которых средний уровень госрасходов на инвестиции в 3–4 % от ВВП, нам надо сравнивать яблоки с яблоками и апельсины с апельсинами.

Поэтому завершаю одной фразой: давайте, используя азбучные истины в прикладном применении, всё-таки очень аккуратно обращаться с деталями и с контекстом. Тогда, может быть, вместо двух дюжин бесполезных программ, которые потеряли деньги в этой стране, мы сможем сделать одну, которая будет работать.

Буклемишев. Спасибо! Уважаемые друзья, коллеги, господа, у меня для вас сразу три хороших новости. Первая новость – она, в общем-то, уже и не новость: у нас сегодня состоялся, по-моему, очень интересный и содержательный диспут. Я прошу вас поблагодарить его участников.

(Аплодисменты.)

Буклемишев. Вторая хорошая новость – что близится всеми любимым праздник Новый год, и от имени нашего Диспут-клуба я поздравляю вас всех и желаю вам всего хорошего, тепла и добра в ваших семьях, и чтобы новый год не таким тяжёлым, как коллеги нам пытались описать.

И, наконец, третья хорошая новость – то, что мы не прекращаем свою работу, мы 21 января ждём всех вас здесь. Тема у нас уже даже определена – будет обсуждаться финансовое поведение населения в кризисных условиях. Всех вас ждём. Спасибо!